

УЖАС В ДЕПТФОРДЕ

Кто из нас не увлекался похождениями Шерлона Холмса! Автор повестей и рассказов о Шерлоке Холмсе, английский писатель Конан-Дойль, родился в 1859 году. Приближается столетие со дня его рождения. Недавно сын писателя Адриан Конан-Дойль вместе с литератором Д. Диксом Карром написал и выпустил в свет двенадцать новых новелл о Шерлоке Холмсе. Они подробно рассказывают о тех приключениях знаменитого детектива, которые только мельком упомянуты в произведениях Конан-Дойля-старшего.

Мы публикуем один из рассказов этого сборника, «Ужас в Дептфорде» (сюжет его упоминается в рассказе Конан-Дойля отца «Черный Питер»). Повествование, как обычно в рассказах о Шерлоке Холмсе, ведется от лица его друга доктора Ватсона.

Я уже упоминал где-то в своих записках, что мой друг Шерлок Холмс, подобно всем истинным художникам, жил ради своего искусства. За исключением дела герцога Холдернесского¹ я не могу припомнить случая, чтобы он требовал значительного вознаграждения за свою работу.

Как бы ни был знатен или состоятелен его клиент, Шерлок Холмс никогда не брался за решение проблемы, если она не возбуждала в нем живого интереса. В то же время он мог посвятить всю свою кипучую энергию делу какого-либо простого человека, если оно обладало теми необычными чертами, которые всегда так сильно волновали его воображение.

Просматривая свои записки, относящиеся к памяtnому 1895 году, я нашел в них подробности дела, которое может служить ярким примером альтруизма и бескорыстия Холмса, ставшего оказание добрых услуг своему клиенту выше всяких материальных вознаграждений. Я имею в виду ужасное дептфордское дело с канарейками и следами сажи на потолке...

Было начало июня, когда мой друг закончил расследование внезапной смерти кардинала Тоски, проведенное им по личной просьбе римского папы. Оно потребовало от Холмса значительной затраты сил и, как я и предвидел, вызвало у него нервное переутомление, причинившее мне, его другу и врачу, немало хлопот.

К концу месяца, в один дождливый вечер, я уговорил Холмса пообедать со мной в ресторане Фраскатти, после чего мы поехали в кафе Ройяль, которое славилось своими кофе и ликерами. Как я и надеялся, суета кафе вывела Холмса из задумчивого состояния. Он внимательно изучал посетителей.

Я отвечал на какое-то замечание Холмса, когда он внезапно кивнул в сторону двери.

— Лестрэд, — сказал он, — что он может здесь делать?

Взглянув через плечо, я заметил тощую фигуру с крысиным лицом. Сыщик из Скотланд Ярда² стоял у входа, его глаза медленно обводили зал.

— Он, по-видимому, ищет вас, — заметил я, — и, вероятно, по какому-то неотложному делу.

— Едва ли, Ватсон. Мокрые ботинки Лестрэда свидетельствуют о том, что он шел пешком. Если бы дело было неотложным, Лестрэд, конечно, взял бы кеб...

Полицейский агент заметил нас, протиснулся по знаку Холмса через толпу посетителей и пододвинул кресло к нашему столу.

— Это мой повседневный обход, — ответил он на вопрос моего друга. — В то время как вы придумываете свои теории в комфортабельных условиях Бекер-стрит³, мы, бедняги, в Скотланд Ярде выполняем самую обыденную черную работу. Мы не получаем благодарностей от римских пап и королей, но зато нам здорово достается в кабинете начальства, если мы допустим какой-либо промах.

— Ну, ну, — добродушно ухмыльнулся Холмс, — ваше начальство должно хорошо относиться к вам с тех пор, как я помог вам успешно расследовать дело об убийстве Рональд Эдейр, кражу в Брас-Партингтоне и...⁴

— Совершенно верно, совершенно верно, — поспешно прервал Лестрэд. — А теперь я имею кое-что для вас, — добавил он, многозначительно подмигнув мне.

— Вот как!

— Правда, молодая женщина, которая боится призраков, скорее по части доктора Ватсона...

— В самом деле, Лестрэд, — слегка запротестовал я, — трудно одобрить ваше...

— Одну минуту, Ватсон. Пусть он изложит нам факты.

— Ну-с, мистер Холмс, эти факты достаточно абсурдны, — продолжал Лестрэд, — и я бы не стал отнимать у вас время, если бы мне не было известно, что вы уже не раз совершали добрые дела и что ваш совет в этом случае сможет удержать молодую женщину от безрассудных поступков. Ну вот, положение таково. По пути в Дептфорд вдоль берега Темзы на-

¹ Это дело описано в рассказе Артура Конан-Дойля «Случай в интернете».

² Скотланд Ярд — лондонская уголовная полиция.

³ Улица, где жил Холмс.

⁴ Здесь упоминается ряд дел, успешно разрешенных Холмсом.

ходятся самые ужасные Ист-эндские¹ трущобы Лондона, но среди них вы можете найти несколько прекрасных старых домов.

В одном из этих полуразрушенных особняков уже давно проживала семья Вильсонов. Я предполагаю, что вначале они занимались торговлей фарфором, а когда она пришла в упадок, Вильсоны бросили это занятие, но остались жить в старом доме. Их семья состояла из Горацио Вильсона, его жены, сына и дочери, а также младшего брата Горацио, Тиболда, который поселился у них после возвращения из-за границы. Около трех лет назад тело Горацио Вильсона было найдено в реке. Так как он слыл горьким пьяницей, то все решили, что Вильсон в состоянии опьянения поскользнулся в тумане и упал в воду. Год спустя его жена, страдавшая пороком сердца, умерла от внезапного приступа. Нам стало известно это после тщательного исследования, произведенного врачом, а также показаний констебля и ночного сторожа одной из барж Темзы.

— Что же это были за показания? — вставил Холмс.

— Ну, были разные слухи о каких-то странных звуках, которые как будто исходили из старого дома Вильсонов. Но так как на берегу Темзы бывают ночные туманы, то люди, вероятно, были введены в заблуждение и неправильно определили направление этих звуков. Констебль описал их как ужасные вопли, от которых в его жилах похолодела кровь. Если бы этот полицейский был в моем отряде, то я дал бы ему здоровую нахлобучку, чтобы впредь с губ блюстителя закона никогда не слетали бы такие слова.

— А в какое время это было?

— В десять часов вечера, как раз в час смерти старой леди. Это, конечно, просто совпадение, так как нет никаких сомнений, что она умерла от сердечного приступа.

— Пожалуйста, дальше.

Лестрэд заглянул в записную книжку и продолжал:

— В ночь на 17 мая прошлого года дочь Вильсона вместе со служанкой пошла в клуб смотреть картины волшебного фонаря. Вернувшись, она нашла своего брата Финеса Вильсона мертвым в кресле. Он унаследовал от своей матери слабое сердце и бессоницу. На этот раз не было слухов о криках и воплях, но ввиду необычного выражения лица умершего местный доктор пригласил полицейского врача помочь провести обследование. Причиной смерти был сердечный приступ, и врач подтвердил, что он может иногда вызывать искажение черт лица, придающее им выражение сильного ужаса.

— Совершенно верно, — подтвердил я.

— Так вот, Джэнет, дочь Вильсона, была так расстроена происшедшим, что, по словам дяди, она решила немедленно распродать все имущество и уехать за границу, — продолжал Лестрэд.

— Ну, а что насчет дяди? Тиболд, не так ли, его имя?

— Я полагаю, что завтра утром он будет у вас. Он уже навистил меня в Скотланд Ярде в надежде, что полиция сможет успокоить испуганную племянницу и убедит ее принять разумное решение. Так как у нас есть более важные дела, чем утешать истеричных молодых женщин, то я посоветовал Вильсону обратиться к вам.

— Вот как! Ну, вполне понятно, что он должен испытывать чувство сожаления при потере этого дома.

— Это не сожаление, мистер Холмс. Вильсон, кажется, искренне привязан к своей племяннице и заботится только о ее будущем.

Лестрэд сделал паузу и усмехнулся.

— Он не очень светский человек, этот Тиболд, и хотя я на своем веку встречал много странных профессий, он превзошел всех: он дрессирует канареек!

— Это не такая уж редкая профессия.

— Вы считаете так?

В манере Лестрэда появилось вызывающее самодовольство; он поднялся и потянулся за шляпой.

— Вполне очевидно, что вы не страдаете от бессонницы, мистер Холмс, — сказал он, — иначе вы знали бы, что птицы, которых дрессирует Тиболд Вильсон, несколько отличаются от обычных канареек...

— Что имел в виду этот парень? — спросил я, в то время как сыщик направлялся к выходу.

— Просто он знает что-то, чего мы еще не знаем, — сухо ответил Холмс. — Так как догадки обычно бесполезны и лишь вводят аналитический ум в заблуждение, давайте подождем до завтра. Я могу сказать, однако, что у меня нет склонности тратить свое время на это дело.

Мой друг не был особенно огорчен, когда на следующее утро посетитель не явился. Но, вернувшись домой от пациента, к которому я был спешно вызван вскоре после завтрака, я застал в приемной мужчину средних лет в очках. Когда посетитель поднялся, я заметил, что он был очень худощав и что его лицо, носящее отпечаток учености и аскетизма, было покрыто сетью многочисленных морщин и имело тусклый, пергаментно-желтый оттенок, что, несомненно, свидетельствовало о длительном пребывании под тропическим солнцем.

— Ну, Ватсон, вы прибыли как раз вовремя, — сказал Холмс. — Это мистер Тиболд Вильсон, о котором говорил нам Лестрэд в прошлый вечер.

Наш посетитель тепло пожал мне руку.

— Ваше имя, конечно, хорошо известно мне, доктор Ватсон! — воскликнул он. — Мы все должны быть вам благодарны за то, что вы познакомили мир с гением Шерлока Холмса, — он извинит меня, конечно... Вы же, будучи врачом, хорошо сведущим в нервных болезнях, несомненно, окажете, полезное влияние на мою несчастную племянницу.

Холмс смиренно выдержал мой укоризненный взгляд.

— Ватсон, — сказал он, — я обещал мистру Вильсону сопровождать его в Дептфорд, потому что молодая леди, кажется, решила покинуть завтра дом. Но я должен повторить, мистер Вильсон, что я не вижу, каким образом мое присутствие сможет помешать этому делу.

— Вы чересчур скромны, мистер Холмс. Когда я обратился в полицию, я надеялся, что там смогут убедить Джэнет в том, что, как бы ужасны ни были потери в нашей семье за последние три года, причины их, тем не менее, вполне естественны и что для нее нет никаких оснований покидать родной дом.

У меня создалось впечатление, — добавил он с усмешкой, — что инспектор был несколько огорчен тем, что я так охотно согласился с его предложением воспользоваться вашей помощью.

— Я, конечно, припомню это Лестрэду, — ответил сухо Холмс, поднимаясь с кресла. — Ну, а теперь, Ватсон, может быть, вы попросите миссис Гудзон вызвать экипаж, и во время нашей поездки в Дептфорд мистер Вильсон сможет разъяснить нам некоторые неясные моменты.

Просторные улицы Вест Энда² сменились большими торговыми дорогами, по которым мчались с топотом и стуком ломовые лошади. Эти дороги, в свою очередь, перешли наконец в лабиринт грязных улиц,

¹ Ист Энд — восточная, рабочая часть Лондона.

² Вест Энд — западная часть Лондона.

которые, следуя вдоль изгибов реки, становились все более и более жалкими по мере того, как мы приближались к скоплению водоемов и темных зловонных закоулков, которые некогда являлись колыбелью морской торговли и богатства империи.

Я заметил, что Холмс был скучен и апатичен, и чтобы расшевелить его, решил вызвать нашего клиента на разговор.

— Я слышал, что вы специалист по части канареек,— заметил я.

Глаза Тиболда Вильсона за его сильными очками загорелись огнем энтузиазма.

— Просто исследователь, сэръ, но с тридцатью годами практических изысканий! — воскликнул он. — Неужели вы также?.. Ах, нет? Какая жалость! Изучение, выведение и дрессировка фринджиллских канареек — это задача, достойная целой человеческой жизни. Вы, конечно, не придерживаетесь тех невежественных взглядов, доктор Ватсон, которые так распространены на этот счет даже в самых просвещенных кругах. Когда я излагал в Британском орнитологическом обществе вопрос о скрещивании канареек с Мадейры и Канарских островов, я был буквально ошеломлен ребячеством вопросов, которые мне задавали там.

— Инспектор Лестрэд намекает на некоторые особенности в вашей дрессировке этих маленьких певцов.

— Певцов, сэръ? Вот дрозд — это певец! Фринджиллская же канарейка обладает самым совершенным в природе слухом и необычайной способностью звукоподражания, которая может быть развита и использована для выгоды и поучения человеческого рода. Но инспектор был прав,— продолжал он более спокойно,— в том, что я дрессирую моих птиц в определенном направлении. Я выучил их петь ночью при искусственном свете.

— Вот как! Ну, это довольно странное занятие.

— Я считаю, что это — доброе дело. Ведь мои птицы выдрессированы для пользы тех, кто страдает от бессонницы, и у меня есть клиенты во всех уголках страны. Мелодичное пение помогает приятно провести время в течение долгой бессонной ночи, а погасив лампу, вы прекращаете концерт.

— Мне кажется, что Лестрэд был прав,— заметил я,— у вас на самом деле необычная профессия.

Во время нашего разговора Холмс лениво поднял тяжелую трость нашего клиента и начал рассматривать ее с некоторым вниманием.

— Мне думается, что вы возвратились в Англию около трех лет тому назад,— заметил он.

— Да.

— Из Кубы, не так ли?

Тиболд Вильсон вздрогнул, и на мгновение, мне кажется, я заметил что-то вроде настороженности в том быстром взгляде, который он бросил на Холмса.

— Это так,— сказал он,— но как вы узнали?

— Ваша трость вырезана из той породы черного дерева, которая растет только на Кубе. Нельзя ошибиться при взгляде на этот зеленоватый оттенок и исключительно блестящую полировку.

— Но трость могла быть куплена в Лондоне после моего возвращения, скажем, из Африки.

— Нет, она принадлежала вам в течение нескольких лет.

Холмс поднес трость к окну экипажа и наклонил ее так, что дневной свет упал на ее ручку.

— Вы можете заметить,— продолжал он,— что здесь есть легкие, но правильной формы царапины, которые нарушили полировку ручки с левой стороны, как раз там, где кольцо безымянного пальца левой руки соприкасается с ее поверхностью. Черное дере-

во — одно из самых твердых пород дерева, и требуется значительное время, чтобы причинить ему такой износ. Кольцо же на пальце, очевидно, сделано из металла более твердого, чем золото. Отсюда я делаю также вывод, мистер Вильсон, что вы левша и носите серебряное кольцо на безымянном пальце левой руки.

— Боже мой, как это просто! А я-то подумал, что вы узнали это каким-то более тонким способом. Действительно, я был занят в сахарном промысле на Кубе и по возвращении оттуда привез с собой мою старую трость. Но вот мы уже у нашего дома, и, если вы сможете успокоить мою запуганную племянницу столь же быстро, как вы проследили мое прошлое, я буду вашим должником, мистер Шерлок Холмс.

Выйдя из экипажа, мы оказались в переулке с жалкими, неряшливыми домами, спускавшимися под уклон к реке; желтая дымка тумана уже поднималась от берега вверх по переулку. Перед нами тянулась высокая стена из осыпавшегося кирпича. Через железные ворота мы мельком разглядели довольно внушительный особняк, расположенный в саду.

— Старый дом знавал лучшие дни,— сказал наш спутник, когда мы прошли через ворота и последовали за ним по садовой дорожке.— Он был построен в тот самый год, когда Петр Великий посетил Скэлс Коурт. Из верхних окон дома можно разглядеть запущенный парк этого владения.

Окружающая обстановка обычно редко производит на меня впечатление, но надо признаться, что я ощутил чувство некоторой подавленности при виде той грустной картины, которая предстала перед нами. Дом, хотя и имел величественный вид и внушительные размеры, был обращен к нам стеной, штукатурка которой была покрыта пятнами, а местами отпала, обнажив древнюю кирпичную кладку. Спутанная масса плетей, покрывавшая одну стену, простирала свои длинные усики через остроконечную крышу и обвивалась вокруг дымовой трубы. Заросший сад представлял собой картину полной запущенности, а окружающий воздух был насыщен сырым, затхлым запахом реки.

Тиболд Вильсон провел нас через маленький зал в комфортабельно обставленную гостиную. Молодая женщина с каштановыми волосами и веснушчатым лицом, разбравшая за письменным столом какие-то бумаги, вскочила при нашем появлении.

— Это мистер Шерлок Холмс и доктор Ватсон,— объявил Тиболд Вильсон.— А это моя племянница Джэнет, чьи интересы вы собирались защищать, несмотря на ее неразумное поведение.

Молодая леди смело взглянула на нас, но мне удалось заметить легкое дрожание и подергивание ее губ, что говорило о сильном волнении.

— Завтра я уезжаю, дядя,— воскликнула она,— и что бы ни сказали эти джентльмены, это не изменит моего решения! Здесь только печаль и страх — и больше всего страх!

— Страх чего? — спросил я.

Она провела рукой по глазам.

— Я не могу объяснить... Мне действуют на нервы тени и странные, неясные звуки.

— Вы унаследовали и деньги и имущество, Джэнет,— сказал мистер Вильсон серьезно.— Неужели из-за каких-то теней вы готовы покинуть дом ваших предков? Будьте же благоразумны!

— Мы здесь как раз для того, чтобы помочь вам, молодая леди,— сказал Холмс с некоторой мягкостью в голосе,— постарайтесь же успокоиться. В жизни мы так часто вредим собственным интересам, принимая опрометчивые решения...

— Вы смеетесь над женской интуицией, сэръ!

— Ни в коем случае, ведь она часто является для нас путеводной нитью. Вы можете уехать или остаться — как вы сочтете нужным. Но поскольку мы здесь, может быть, вы покажете нам свой дом и насколько отвлечетесь от своих переживаний?

— Превосходное предложение! — весело воскликнул Тиболд Вильсон. — Идемте, Джэнет, и мы вскоре избавим вас от загадочных звуков и теней.

Наша маленькая процессия переходила из одной мебелированной комнаты в другую.

— Теперь я провожу вас в спальню, — сказала мисс Вильсон, когда мы наконец остановились перед лестницей.

— Нет ли подвалов в этом старинном доме?

— Есть здесь один подвал, мистер Холмс, но он мало используется, если не считать того, что там хранятся дрова и какие-то дядины ящики... Вот сюда, пожалуйста.

Мы находились в мрачном каменном помещении. Около одной стены был сложен штабель дров, а в дальнем углу стояла пузатая голландская печь с железной трубой, идущей по потолку. Через застекленную дверь, которая открывалась в сад, тусклый свет падал на пол, выложенный из каменных плит.

Холмс понюхал окружающий воздух, и я тоже ощутил сильный затхлый запах от находящейся поблизости реки.

— Вам, наверное, досаждают крысы — они часто навещают дома на берегу Темзы.

— Да, они здесь водились, но когда дядя приехал сюда, он избавил нас от них.

— Так, так. Черт возьми! — продолжал Холмс, взглянув на пол. — Что за деловитый маленький народец!

Посмотрев вниз, я заметил, что внимание Шерлока Холмса было привлечено садовыми муравьями, сновавшими по полу из-под нижней печки и вверх по ступенькам, ведущим к двери в сад.

— Как хорошо, Ватсон, — усмехнулся он, указывая тростью на крошечные крупинки, которые тащили муравьи, — что нам не нужно, добывая себе пищу, волочить кладь размерами раза в три больше нас самих. Неплохой урок в терпении и настойчивости.

Он погрузился в молчание, задумчиво смотря на пол.

— Урок, — повторил он медленно.

Тонкие губы м-ра Вильсона сжались.

— К чему эти шутки?! — воскликнул он. — Муравьи здесь потому, что слуги бросали мусор в печку, вместо того чтобы выносить его в мусорный ящик.

— А вы поэтому и повесили замок на дверцу?

— Да, да! Если хотите, я могу принести ключ. Нет? Тогда, если вы здесь закончили, разрешите мне проводить вас в спальню.

— Мне хотелось бы осмотреть комнату, в которой скончался ваш брат, мисс Вильсон, — попросил Холмс, когда мы поднялись этажом выше.

— Вот здесь, — ответила она, открывая дверь.

Это была большая комната, обставленная со вкусом и даже некоторой роскошью и освещенная двумя окнами в глубоких нишах. С окнами граничила другая голландская печка, украшенная желтыми кафельными плитками, хорошо гармонировавшими с общим тоном комнаты. К печной трубе была подвешена пара птичьих клеток.

— Куда ведет эта боковая дверь? — спросил Холмс.

— Ко мне в комнату, где прежде жила моя мать, — ответила мисс Вильсон.

Несколько минут Холмс с равнодушным видом бродил по комнате.

— Ваш брат, я полагаю, любил читать по ночам, — заметил он.

— Да, он страдал бессонницей, но как вы...

— Пустяки, на поверхности ковра по правую сторону кресла имеются следы свечного воска. Ага! Что это здесь?

Холмс остановился у окна и внимательно посмотрел на верхнюю часть стены. Затем, поднявшись на подоконник, он протянул руку и слегка потрогал штукатурку в разных местах, после чего понюхал кончики своих пальцев. Когда он спустился вниз, его лицо было нахмурено и озадачено. Он начал медленно двигаться по комнате, не отрывая взгляда от потолка.

— Очень странно, — бормотал он.

— Что-нибудь не в порядке, мистер Холмс? — нерешительно спросила мисс Вильсон.

— Меня просто интересует происхождение этих странных линий и завитков на верхней части стены и штукатурке.

— Это, должно быть, проклятые тараканы, которые притащили на своих лапках пыль! — извиняющимся тоном воскликнул Вильсон. — Я уже говорил вам, Джэнет, что вы должны внимательнее следить за работой слуг. Ну, а что теперь, мистер Холмс?

Мой друг, который направился к боковой двери и заглянул внутрь, снова закрыл ее и шагнул к окну.

— Наш визит оказался бесполезным, — сказал он, — и так как я вижу, что туман все поднимается, боюсь, что нам придется отправиться домой. Здесь, наверно, ваши знаменитые канарейки? — добавил он, указывая на клетки над печью.

— Нет, просто образцы. Но взгляните сюда.

Вильсон повел нас по коридору и открыл дверь.

— Вот! — сказал он. Очевидно, это была его собственная спальня, и она не была похожа ни на одну из спален, которые я когда-либо видел. От пола до потолка комната была увешана множеством клеток, и маленькие золотистые певуны в них наполняли воздух нежным пением и трелями.

— Дневной или ламповый свет — это для них все равно. Ну, Кэрри, Кэрри! — Вильсон просвистал короткую мелодию, которая показалась мне знакомой. Птичка подхватила ее и залилась восхитительным пением.

— Это песня жаворонка! — воскликнул я.

— Совершенно верно. Как я говорил уже раньше, фринджиллская канарейка при соотвествующей дрессировке может превосходно имитировать звуки.

— Я должен признать, что не могу разобрать эту мелодию, — заметил я, когда одна из птичек разразилась низким, все нарастающим свистом.

Мистер Вильсон поспешно набросил полотенце на клетку.

— Это песенка тропической ночной птицы, — коротко отрезал он, — и так как я предпочитаю, чтобы мои птички днем пели дневные песенки, придется наказывать Пеперино, оставив его в темноте.

— Меня удивляет, что вы в спальне предпочитаете открытый камин печке, — заметил Холмс, — ведь это может вызвать сильный сквозняк.

— Я не замечал этого... Боже мой, туман в самом деле усиливается. Я боюсь, мистер Холмс, что вам предстоит довольно неприятное путешествие.

— Да, нам пора отправляться.

Когда мы спустились по лестнице и задержались в зале, в то время как Вильсон пошел за нашими шляпами, Холмс наклонился к молодой хозяйке.

— Мне хотелось бы напомнить вам, мисс Вильсон, о том, что я сказал раньше насчет женской интуиции, — спокойно заметил он. — Бывают случаи, когда правду легче ощутить, чем увидеть глазами... Доброй ночи!

Мгновением позже мы ощупью пробирались по

садовой дорожке к ожидавшему нас экипажу, свет которого тускло пробивался через поднимающийся туман. Мой друг был погружен в свои мысли, пока мы мчались в западном направлении через грязные улицы, убожество которых стало еще заметнее при ярком свете газовых фонарей, горевших около многочисленных тракторов. Ночь обещала быть скверной и случайный путник, пробиравшийся сквозь желтый туман, нависший над тротуарами, казался лишь смутной тенью.

— Мне хотелось бы, мой дорогой друг,— заметил я,— чтобы вы впредь воздерживались от столь бесполезной траты сил. Вы и так уже достаточно истощены.

— Ну, ну, Ватсон. Я так и полагал, что семейные дела Вильсонов не заинтересуют вас. И все же,— он откинулся назад, погруженный в собственные мысли,— и все же здесь что-то не в порядке, наверняка не в порядке!

Я услышал его тихое бормотание.

— Я ничего зловещего не заметил.

— И я тоже, но любой, самый смутный сигнал об опасности является для меня предостережением. Для чего, например, в спальне камин, Ватсон, для чего камин? Я думаю, вы заметили, что труба из погреба связана с печками в других спальнях?

— В одной спальне!

— Нет. Такое же самое устройство было и в смежной комнате, где умерла мать.

— Я ничего не вижу странного в этой старомодной системе дымоходных труб.

— Ну, а что вы скажете, Ватсон, насчет следов на потолке?

— Следов чего? Пыли?

— Нет, сажки!

— Сажки! Вы, наверное, ошибаетесь, Холмс!

— Я прикасался, нюхал и осматривал их. И это, несомненно, были следы древесной сажки.

— Ну, здесь, вероятно, должно быть какое-то простое объяснение,— заметил я.

В течение некоторого времени мы ехали молча. Наш кеб уже достиг пределов Сити¹, я рассеянно смотрел в окно, а мои пальцы лениво барабанили по полупущенному оконному стеклу, затуманенному сыростью. Вдруг мои мысли были прерваны резким восклицанием Холмса. Он пристально смотрел через мое плечо.

— Стекло,— пробормотал он.

На затуманенной поверхности стекла проступил запутанный узор завитков и линий там, где я прикасался пальцами. Холмс хлопнул себя по лбу и, внезапно открыв другое окно, громко отдал распоряжение кучеру. Экипаж резко повернул в обратную сторону, кучер стегнул плетью лошадь, и мы помчались в сгущающийся мрак.

— Ах, Ватсон, Ватсон, ведь это же правда, что никто так не слеп, как тот, кто не хочет видеть,— произнес с горечью Холмс, откидываясь назад в свой угол. — Все факты были налицо, они смотрели мне прямо в глаза, и все-таки логика подвела меня.

— Какие же факты?

— Их всего девять, но и четырех будет достаточно. Здесь человек с Кубы, который не только дрессирует канареек совершенно необычным образом, но и знаком с пением тропических ночных птиц. Кроме того, он имеет в своей спальне камин. Здесь что-то нечисто, Ватсон! Стоп, кучер, стоп!

В это время мы проезжали перекресток двух оживленных улиц, где над газовым фонарем мерцали золотистые шары ломбарда. Холмс выпрыгнул из ке-

ба, спустя несколько минут возвратился назад, и мы продолжали наше путешествие.

— Какое счастье, что мы еще в Сити,— усмехнулся он,— ибо я думаю, что едва ли в ломбардах Ист Энда можно найти клюшки для гольфа.

— О небеса...— начал я и сразу замолк, взглянув на тяжелую клюшку, которую Холмс бросил мне в руки. Первые смутные тени чего-то неопределенного и зловещего возникли в моем сознании...

— У нас в запасе еще много времени!— воскликнул Холмс, глядя на часы.— Неплохо бы зайти в первый попавшийся трактир и закусить.

Часы на церкви святого Николаса пробили десять, когда мы снова очутились в саду Вильсонов, пропитанном затхлым запахом сырости. Сквозь туман еле пробивался слабый свет из верхних окон, который нарушал мрачную темноту дома.

— Это комната мисс Вильсон,— заметил Холмс.— Будем надеяться, что горсть гравия, брошенная в окно, разбудит ее, не потревожив остальных обитателей дома.

Мгновением позже до нас донесся скрип открывающегося окна.

— Кто там?— спросил дрожащий голос.

— Это Шерлок Холмс,— ответил тихо мой друг.— Я должен немедленно поговорить с вами, мисс Вильсон. Есть ли здесь боковая дверь?

— Вон там в стене, слева от вас. Но что случилось?

— Пожалуйста, спуститесь побыстрее вниз. Ни слова вашему дяде.

Мы пробирались вдоль стены и достигли двери в тот момент, когда она отворилась, чтобы выпустить молодую хозяйку. Она была в халате, а ее волосы в беспорядке падали на плечи. Мисс Вильсон испуганно глядела на нас при свете свечи, которую она держала в трясущейся руке, а тени плясали и дрожали на стене позади нее.

— Что это значит, мистер Холмс?— спросила она, задышавшись от волнения.

— Все будет хорошо, если вы выполните мои указания,— спокойно ответил мой друг.— Где ваш дядя?

— Он у себя в комнате.

— Вот и хорошо. Мы с доктором Ватсоном займем вашу комнату, а вы тем временем перейдете в спальню покойного брата. Если вы дорожите своей жизнью,— добавил он торжественно,— ни в коем случае не покидайте комнату.

— Вы пугаете меня...— с дрожью в голосе прошептала она.

— Можете быть уверены, что мы позаботимся о вас. А теперь, прежде чем вы уйдете, мне хотелось бы кое о чем спросить вас. Заходил ли к вам дядя сегодня вечером?

— Да, он принес с собой Пеперино и посадил его вместе с другими птицами в клетку в моей комнате. Он при этом сказал, что, так как это моя последняя ночь в доме, он сделал все возможное, чтобы мне не было скучно одной.

— Так, совершенно верно. Ваша последняя ночь... Скажите мне, мисс Вильсон, вы страдаете той же болезнью, от которой умерли ваши мать и брат?

— Болезнью сердца? Да, к сожалению...

— Ну, хорошо, теперь мы проводим вас наверх, где вы перейдете в смежную комнату. Идемте, Ватсон.

При свете свечи мы бесшумно поднялись на второй этаж и прошли в спальню, которую раньше осматривал Холмс. Пока наша хозяйка в смежной комнате собирала свои вещи, Холмс приподнял край полотна, которое теперь прикрывало две птичьи клетки, и взгляделся в ее спящих крошечных обитателей.

¹ Сити — деловой квартал в центре Лондона.

— Поистине, зло, которое может задумать человек, не имеет пределов,— сказал он, и я заметил, что его лицо стало очень суровым.

Когда мисс Вильсон возвратилась, мы с Холмсом, убедившись, что она надежно устроилась на ночь, прошли в ее небольшую, уютно обставленную комнату. Освещалась она массивной серебряной лампой. Прямо над кафельной голландской печкой висела клетка с тремя канарейками, которые при нашем приближении мгновенно перестали петь и вздернули свои маленькие золотистые головки.

— Я думаю, Ватсон, что недурно было бы и отдохнуть немного,— прошептал Холмс, когда мы опустились в кресла.— Будьте добры, погасите свет.

— Но, мой друг, если здесь действительно существует какая-то опасность, то оставаться в темноте будет просто сумасшествием,— запротестовал я.

— В темноте нам не грозит никакая опасность!

— Не лучше ли вам быть со мной более откровенным?— довольно резко сказал я.— Вы дали мне понять, что эти птицы предназначены для какой-то недоброй цели. Но что же это за опасность, которая существует только при свете лампы?

— У меня есть свои соображения на этот счет, Ватсон, и лучше нам подождать и увидеть самим. Мне хотелось бы, однако, обратить ваше внимание на откидную заслонку дымовой трубы в верхней части печки.

— Это, мне кажется, — вполне обычное устройство.

— Конечно, но разве вам не кажется странным, что дымоход железной печки имеет легкую жестяную заслонку?

— Боже мой, Холмс!— воскликнул я, когда неожиданная догадка осенила меня.— Вы хотите сказать, что этот Вильсон использовал трубы, соединяющие печь в подвале с печами в спальнях, для распространения по ним какого-то смертельного яда, чтобы отделаться от своих родственников и завладеть их собственностью? И именно поэтому он устроил камин в своей собственной спальне вместо печки? Мне думается, что это так.

— Ну, вы недалеко от истины, Ватсон, хотя я полагаю, что мистер Тиболд более хитроумен, чем вы считаете. Он обладает двумя качествами, необходимыми преступнику для успешного выполнения его планов,— это богатое воображение и безжалостность... Ну, а теперь, пожалуйста, погасите свет, и мы немножко отдохнем. Если я правильно истолковал проблему, стоящую перед нами, то нам придется много перенести, прежде чем мы дождемся рассвета.

Я откинулся на спинку кресла, утешая себя мыслью, что после случая с полковником Себастьяном Мораном¹ в моем кармане всегда находился револьвер. Тщетно я пытался найти какое-либо объяснение тому предупреждению, которое я получил от Холмса. Вскоре, однако, усталость незаметно овладела мною. Мысли мои становились все более и более беспорядочными и смутными, пока наконец я не задремал.

Меня разбудило легкое прикосновение к руке. Лампа была снова зажжена, и мой друг наклонился надо мной, отбрасывая длинную темную тень на потолок.

— Сожалею, что потревожил вас, Ватсон,— прошептал он,— но долг обязывает...

— В чем дело, Холмс?

— Сидите спокойно и слушайте... Пеперино поет...

Я долго буду помнить томительные часы нашего

бодрствования. Холмс наклонил абажур лампы так, что свет падал на противоположную стену, в которой было окно и рядом с ним большая кафельная печка, над которой висела птичья клетка. Мгла сгустилась, и лучи от лампы, проходя через оконные стекла, терялись где-то в освещенных облаках тумана, клубившихся за окнами. Моим сознанием овладело предчувствие чего-то зловещего. Окружающая нас обстановка казалась достаточно мрачной и без странного, жуткого звука, исходящего из птичьей клетки. Он напоминал свист, который начинался с низкой гортанной трели и медленно повышался до одинокого аккорда, распростиравшегося по комнате, подобно звону большого бокала. Этот звук, повторяясь, оказывал такое гипнотическое действие, что казалось, все окружающее куда-то незаметно исчезает, а мое воображение выходит за пределы затуманенных окон в темные пышные глубины каких-то экзотических джунглей. Я потерял всякое представление о времени, и только тишина, наступившая после внезапного прекращения птичьего пения, снова возвратила меня в реальный мир. Я бросил взгляд через комнату, и в тот же миг мое сердце бешено заколотилось в груди и затем, казалось, совершенно перестало биться.

Заслонка печи медленно поднималась...

Мои друзья могут подтвердить, что я человек не нервный и не впечатлительный, но надо признаться, что, пока я сидел, судорожно ухватившись за ручки кресла, и пристально смотрел на тот ужасный предмет, который постепенно выходил из трубы наружу, мои члены онемели и временно отказались служить мне...

Крышка откинулась на пару дюймов, и через образовавшуюся щель стала выползать и карабкаться желтая масса длинных извивающихся щупальцев. В один миг эта масса оказалась снаружи и неподвижно застыла на поверхности печки.

Я всегда с ужасом смотрел на тарантулов Южной Америки, питающихся птицами, но они казались совсем ничтожными по сравнению с тем отвратительным существом, которое глядело сейчас на нас через комнату, залитую светом лампы. По своим размерам оно превосходило большую тарелку. Его твердое гладкое желтое тело было окружено поднимающимися вверх щупальцами, создававшими ужасное впечатление, что гигантское насекомое приготовилось к прыжку. На нем не было ни волоска, за исключением пучка жесткой щетины вокруг сочленений ног, а над большими блестящими ядовитыми челюстями сияли зловещим красным переливчатым светом глаза, похожие на бусинки...

— Не шевелитесь, Ватсон,— прошептал Холмс, и в его голосе послышалась нотка ужаса, какой я раньше никогда не замечал.

Звук голоса пробудил чудовище. Одним молниеносным прыжком оно перескочило с печки на крышку птичьей клетки и, достигнув стены, понеслось с жужжанием вокруг комнаты и по потолку с такой лихорадочной быстротой, что глаза едва успевали следовать за ним. Холмс бросился вперед, как одержимый.

— Уничтожить его, уничтожить!— хрипло кричал он, нанося клюшкой удар за ударом по пятнистой массе, мчавшейся по стенам.

Пыль от поврежденной штукатурки наполнила воздух, стол с грохотом упал, когда я бросился на пол, а громадный паук одним прыжком перемахнул через комнату и очутился в угловой нише. Холмс перепрыгнул через меня, размахивая своей дубинкой.

¹ Себастьян Моран — действующее лицо в рассказе Артура Конан-Дойла «Приключение в пустом доме».

— Оставайтесь на месте! — закричал он, и в то время как в комнате еще звенел его голос, звук тяжелых ударов был прерван отвратительным хлопотным звуком. На мгновение чудовище повисло на стене и затем медленно спустилось на пол. Там оно осталось лежать, напоминая месиво из битых яиц, все еще судорожно подергивая своими членистыми конечностями.

— Благодарите бога, что оно не задело вас при прыжке, — произнес я, задыхаясь, и поднялся на ноги. Холмс не ответил, и, взглянув вверх, я увидел в зеркале на стене отражение его бледного и напряженного лица.

— Боюсь, что теперь ваша очередь, Ватсон, — сказал он хладнокровно. — Там еще один!

Я резко обернулся, чтобы увидеть картину, которую буду помнить до конца своей жизни. Холмс стоял совершенно неподвижно в двух футах от печки, а из нее выполз другой чудовищный паук, отвратительное тело которого дрожало, готовясь к прыжку. Я инстинктивно почувствовал, что любое внезапное движение только ускорит прыжок страшного, и поэтому, осторожно вытаскивая пистолет из кармана, выстрелил в упор. Сквозь пороховой дым я увидел, как чудовище сжалось и затем, медленно опрокинувшись, упало через открытую дверцу в печь. Тело паука скользило вниз по трубе, вызывая дребезжащий звук, который вскоре замер в отдалении.

— Он упал вниз по трубе! — закричал я, чувствуя, что мои руки трясутся от только что пережитого волнения. — У вас все в порядке, Холмс?

Он взглянул на меня, и в его глазах был замечен какой-то необычный блеск.

— Благодарю вас, мой друг, — сказал он спокойно. — Если бы я пошевелился, тогда... Но что это?

Внизу хлопнула дверь, и мгновением позже мы услышали быстрый топот ног по усыпанной гравием дорожке.

— За ним! — закричал Холмс, бросившись к двери. — Ваш выстрел предупредил его, что игра окончена. Мы не должны упустить его!

Но судьба решила иначе. Хотя мы стремглав спустились вниз по лестнице и помчались в тумане, Вильсон имел преимущество перед нами, так как он выбежал раньше нас, да и местность ему была знакома лучше. В течение некоторого времени мы следовали за ним, прислушиваясь к еле слышному топоту его ног по пустынным переулкам по направлению к реке, пока наконец эти звуки не замерли вдалеке.

— Это нехорошо, Ватсон. Мы дали ему убежать, — произнес, задыхаясь, Холмс. — Вот где пригодились бы полиция. Но послушайте! Ведь это был крик, не так ли?

— Мне кажется, что я тоже что-то слышал.

— Ну, бесполезно продолжать дальнейшие поиски в тумане. Давайте вернемся и утешим нашу бедную хозяйку, уверив ее в том, что пришел конец всем ее треволнениям...

— Какие это были кошмарные чудовища, Холмс, — воскликнул я, когда мы возвращались домой, — и совершенно неизвестного вида!

— Мне кажется, что вы неправы, Ватсон, — заметил он. — Это был галеодосский паук, ужас кубинских лесов. То, что он нигде больше не водится, — это большое счастье для остального мира. Чудовище это ведет ночной образ жизни и, насколько мне известно, обладает силой, достаточной, чтобы переломить одним ударом своих челюстей хребет небольшого животного или птицы. Вы, конечно, помните, что Джэнет как-то упоминала, что после возвращения дяди в доме исчезли крысы.

Несомненно, что Вильсон привез с собою пауков, — продолжал он, — и у него возникла мысль научить канареек подражать пению кубинских ночных птиц, которыми питается галеодосский паук. Следы на потолке были вызваны, конечно, сажей, прилипшей к ножкам паука после того, как он взбирался по дымоходу. К счастью для меня, эти следы остались на потолке, так как горничной высокого роста трудно достать своей метелкой стену выше камина. Я не нахожу никакого оправдания моей прискорбной медлительности при решении данной проблемы, ибо факты с самого начала были перед моими глазами, а все дело оказалось элементарным по своему содержанию. И все же надо отдать должное Тиболду Вильсону за его почти дьявольскую хитрость. Как только эти страшлища были помещены в печь подвала, ему осталось лишь провести две обычные дымоходные трубы, сообщающиеся со спальнями наверху. Если подвесить к печке клетки с птичками, то дымоходы будут усиливать звуки птичьего пения и пауки, подгоняемые своим хищническим инстинктом, будут подниматься именно туда, куда приведет их труба, то есть к птичьим клеткам. Придумав, очевидно, какие-то средства для заманивания пауков обратно в их гнезда, Вильсон решил, что это вполне надежный и безопасный способ избавиться от тех, кто стоит между ним и богатством.

— Значит, укусы этих пауков смертельны? — спросил я.

— Для человека со слабым здоровьем, вероятно, так. Но дьявольская коварность плана Вильсона заключалась в том, что, замыслив уничтожить свои жертвы, он рассчитывал скорее на устрашающий вид чудовищ, чем на их укусы, хотя бы они и были ядовиты. Ужасное зрелище принесло бедным людям смерть так же верно, как пуля, прошедшая сквозь сердце.

— Одного я не могу понять, Холмс, почему Вильсон обратился в Скотланд Ярд?

— Потому что это был человек с железными нервами. Его племянница интуитивно чувствовала грозящую ей опасность. Вильсон, узнав, что она непреклонна в своем намерении уехать, замыслил убить ее немедленно и тем же самым способом. Кто бы посмел заподозрить его в убийстве? Разве он не обращался за помощью в Скотланд Ярд и к самому Шерлоку Холмсу? Все бы подумали, что девушка умерла от сердечного приступа, подобно другим родственникам, и ее дядя явился бы предметом всеобщего соболезнования. Вспомните висячий замок на печной дверце в подвале, и вы восхититесь железными нервами этого человека, предложившего с готовностью принести ключ от замка. Безусловно, это был трюк, так как, конечно, Вильсон всегда бы мог сделать вид, что он потерял ключ. Я предпочитаю не думать о том, что оказалось бы перед нами, если бы мы все же настояли и открыли этот замок...

О Тиболде больше ничего не было слышно. На некоторые догадки и предположения, однако, наводит тот факт, что через несколько дней из Темзы извлекли тело человека, лицо которого было изуродовано до неузнаваемости, вероятно, винтом парохода. Полиция, хотя и обшарила карманы утопленника, не нашла никаких опознавательных данных. В карманах ничего не оказалось за исключением лишь небольшой записной книжки, заполненной краткими записями насчет сроков высживания фринджиллских канареек...

Перевод с английского
И. М. ВИЛЬКОМИРА и Ю. П. САЗОНОВА.